рованные положения, нетрудно заметить две их особенности, которые возникающему яркому образу философа, то ли слишком озабоченного своими схемами, то ли не замечающего противоречий между этими схемами и реальностью, решительно не соответствуют.

Во-первых, говоря об эпической поэзии специально, в посвященном ей пункте раздела о поэтических видах, Гегель сопоставляет ее с лирикой и драмой не с точки зрения субъективности или объективности, а в *другом отношении*, так что логического противоречия с вводными положениями здесь никак быть не может. Во-вторых, все приведенные нами сопоставления входят в подпункт, который называется «Особые определения эпоса в собственном смысле слова» и представляют собой анализ структуры *только древнего* эпоса, т. е. *эпопеи*; в качестве примера взяты гомеровские поэмы, о чем читатель в начале изложения предупрежден. Этим-то обстоятельством и объясняется, по-видимому, акцент на категориях *внутреннего и внешнего*. Надо полагать поэтому, что тот «эпос», который отличается от лирики и драмы равноправием внутреннего и внешнего, и та «драма», которая отличается от лирики и эпоса единством субъективного и объективного,— явления, различные *исторически*.

Действительно, а не на словах штудируя гегелевский текст, мы замечаем, что в уже упомянутом анализе структуры эпопеи категории внутреннего и внешнего пронизывают все сопоставления эпоса с драмой и лирикой в их важнейших аспектах. Там, где речь идет о соотношении воли персонажа с обстоятельствами, а также о различии эпических и драматических коллизий, отмечено, что «главное в драматическом — это внутренняя *духовная* сила или слабость, нравственно оправданный или предосудительный пафос, в эпическом же — *природная сторона* характера [1, т. 3, с. 441]. Ту же тему находим и в противопоставлении Гегелем эпического и трагического рока (осуждается ли индивид «как личность» или «в его делах»), и в соотнесении им способов «развития» эпического и драматического произведения: эпический мир «полностью развит как со стороны внешней ситуации и окружения, так и в его внутренних силах, влечениях и желаниях духа» [1, т. 3, с. 453, 463].

Причины такого повышенного внимания к категориям внутреннего и внешнего заключаются в том, что с точки зрения Гегеля, именно с их помощью эпос (в виде эпопеи) может быть охарактеризован как изначальный тип художественного целого, исторически предшествующий — в этом смысле — лирике и драме. Специально рассматривая «эпопею в собственном смысле слова», он связывает «зрелое развитие» лирики и драмы с «освобождением индивидуальной самости от субстанциальной целостности нации» и далее замечает: «Для эпоса же требуется еще непосредственное единство чувства и действия, единство внутренних последовательно воплощаемых целей и внешних случайностей и событий. Это единство в своей нераздельной изначальности существует только в первые периоды национальной жизни и поэзии» [1, т. 3, с. 427—428].

Итак, эпос *как эпопея* — форма, соответствующая «нераздельной изначальности», еще не опосредованному различению противоположных сил и сторон как в самом индивиде (чувство и действие), так и в его взаимоотношениях с миром (внутренние цели и внешние события). Категории «внутреннего» и «внешнего» избраны для определения этого специфического единства постольку, поскольку, с исторической точки зрения, понятия «субъективности» и «объективности» — результат *разделения* того, что пока еще «нераздельно».

Зато когда человек «разделяется на чувство и волю», возникает лирическая поэзия. Драма же соответствует «позднейшей жизни народа», когда «всеобщие определения, которые должны руководить человеком в отношении его поступков, уже не принадлежат целостной внутри себя душе и умонастроению, а являются самостоятельно как упрочившееся само по себе состояние права и законности, как прозаический порядок вещей, как политическое устройство, моральные и прочие предписания» [1, т. 3, с. 428].